

**Михаил
ЖВАНЕЦКИЙ:**

Что происходит с нашей эстрадой?

— Вы спрашиваете: что происходит с эстрадой? Я всегда боролся за хороший вопрос, чтобы можно было как-то блеснуть в ответе. Хотя и не могу судить, что происходит вообще на эстраде, я могу судить только о том, что происходит в моем жанре, в сатире, в юморе. Как раз то, чего сейчас нет на эстраде, поэтому я буду говорить, что определяет сегодня лицо эстрады.

Прежде всего, что такое эстрада? Существует ли она? Ведь, может быть, это просто помост. Я не знаю, многие любят начинать со словаря: открыл Даля, нашел слово "эстрада"... Я принципиально этого не делаю — очень это банальный ход. Я сам пытаюсь понять, что такое эстрада?

Может быть, это действительно просто помост, с которого одинокий человек, одинокая личность обращается к большому количеству людей? Это может быть и поэт, это может быть и балерина, это может быть и прекрасный дра-

матический актер. Может быть, вот это — эстрада? Это может быть площадка, а не жанр. И нужно быть просто талантливым человеком, нужно просто собрать этих людей?

И вот я думаю, эстрада — это одинокий человек, стоящий перед людьми. И кто бы что ему ни утверждал, он одинок. Кто бы ни писал ему репертуар, он одинок. Все комиссии не помогут ему добиться успеха. Они могут только помешать. На эстраде видно — ты добрый или злой, фальшивый или жадный, привлекательный, непривлекательный, лживый, сексуальный... Вы вышли — и все ясно. Публика знает о вас все. Теперь вам нужно кое-что узнать о публике.

Ведь если наука занимается тем, что неизвестно никому, то искусство занимается тем, что известно всем. Вышел на сцену, как вышел из лаборатории. Изволь сообщить об открытии. Нет сообщения — нет выхода пока. Пока не выходи...

Эстрада — не специаль-

ность. Здесь могут стоять все. Только нужно иметь успех, как говорили в старину: имейте успех. Хор не поет фальшиво. Публика все-таки не ошибается. В том, кто вызывает ажиотаж, что-то есть, и не нужно с ним так активно бороться. Лучше присоединиться. Пока. Разобраться. Потом скорректируй, но обязательно присоединись, разберись, не борись сначала.

На эстраде все быстро и четко. Этот собирает публику, другие нет. И не нужно с ним бороться. С тем, кто собирает. Не нужно заставлять его жить хуже, чтобы его сборы по-

делить на всех. Его аплодисменты подложить другим. Зачем такая забота о бездарях?

На помосте вы боретесь с залом, вы трудно завоевываете его, а потерять можете за секунду. Он выскальзывает из ваших рук. Любая кошка сильнее вас. Воробей за секунду уведет публику от самых жгучих проблем. Кашель, обнимания, разговоры — вы все это должны унять не криком: "Эй вы там, тише!" Нужно унять собой. Смешить уже мало. Чтобы запомнили, чтобы понимали.

Меня как-то спросили: чем вы так берете публику? Позицией, я так думаю. Это волнует зал или не волнует? Вот тут вы и проверяетесь: если вы живы и нормальны до сих пор — то, что волнует вас, будет волновать публику. А потом она уже будет доверять вам и поверит: если это волнует вас, должно волновать и публику. Вот и вся эстрада. Особенно ежели юмор.

Обижаются поэты, стесня-

ются поэты. "Конечно, трудно после вас, у вас же юмор!" Самих поэтов не рассмешить! О Беллу Ахмадулину я бьюсь уже не один год. Она тепло и внимательно следит за мной, но не смеется. К юмору отношение писателей, я бы сказал, высококатое. Или такое даже слово — свысокатое.

"Ну, у него юмор, конечно, у него успех! Пусть идет в конце. А нам тут серьезные вещи нужно сообщить". А я и прикрываюсь этим. И ладно. Я шутник, и ладно. Я по развлечению. Вы все серьезные, а я дурачок. Ладно, я ни с кем не спорю. Этот жанр действительно не нужен никому, кроме публики. Однако почему его зал так любит? А зал не ошибается. У него, может быть, вкус хуже. Потерпим. Но юмор — это хлеб.

Не о себе, в защиту жанра. Сам — это будет отдельный вопрос о юморе. Сам стал слезлив, сам стал копаться в словах. Сам потерял жизнь, и от этого каким-то образом по-

терял юмор. Ничего нет лучшей жизни, а юмор — это жизнь, это не шутки. Это блеск в глазах, это влюбленность в собеседника и готовность смеяться до слез. Смех в наше время и в нашем месте вызывает зависть: "Что он сказал?" Люди готовы идти пешком, ползти: "Что он сказал?" Можете плакать неделю — никто не спросит, что вам там сказали. Плачущий в наше время при таком качестве сложных бытовых приборов, повышении цен и потоке служебной продукции не вызывает интереса. Причем плачущий занимает сейчас более высокое положение, чем хохочущий. Это обычно директор, главный инженер, завмаг, главреж. Юмор — это жизнь обычных людей. Чем меньше пост, тем громче хохот. И прохождение с завистью: "Что он сказал, что он сказал?"

Я думаю, что море слез, в котором утонули четыре старухи, не стоит одного взрыва хохота в ответ на один выстрел истины.

Как могут здоровые взрослые люди говорить без иронии, без какой-то дозы скептицизма, без печали, вызывающей такой смех? Живого мало на нашем помосте, в нашем жанре, теплой крови мало — боли, страдания от жизни, от обстоятельств, от окружающих. Это даже не сатира, это просто живая жизнь.

А на эстраде выдуманный слесарь крутит придуманный кран. И придуманные путешественники едут по придуманной загранице. Вы заметили, как юмор стареет? Старееет тема, но не стареет слово. Слово Зощенко не стареет, хотя его темы устарели. Многие. А из Ильфа и Петрова мы просто вышли и стоим до сих пор неподалеку.

Что происходит с эстрадой? Надо дать ей слово. Хватит петь, хватит глушить публику японской аппаратурой. Надо выходить и говорить.

**Слушал
Владимир АЛЬБИН.**